

UNITED WISDOM

Африканские философии личности: несколько разных ответов

Мир и сознание

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

W-20-N01 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Африканские философии личности: несколько разных ответов

Представим условную сцену. Семья помогла молодому человеку получить образование, а теперь ожидает, что он выберет работу рядом с домом. Он благодарен, но хочет уехать. Один родственник говорит: «Мы сделали тебя тем, кто ты есть». Молодой человек отвечает: «И всё-таки решать свою жизнь должен я». Оба высказывания могут содержать существенную правду. Но между признанием зависимости и правом распоряжаться другим человеком остаётся вопрос.

Эта сцена не изображает «типичную африканскую семью». Это наш мысленный пример напряжения между принадлежностью и самостоятельностью. Африканские философы предложили несколько разных способов осмыслить такое напряжение. Их спор интереснее удобного противопоставления: будто целый континент говорит об общине, а остальной мир — только об отдельном индивиде.

О чём эта статья

Мы рассмотрим несколько позиций в африканских дискуссиях о личности: общинное становление у Ифеаньи Менкити, умеренный коммунитаризм Кваме Гьекье и важное различие между человеческим существом и моральным идеалом личности. Формула Джона Мбити появится в контексте её использования Менкити, без превращения одной фразы в голос всех африканских обществ.

Ключевой вопрос статьи — какие выводы действительно следуют из нашей зависимости от других. Социальное происхождение языка, навыков и идентичности ещё не определяет границ власти сообщества. Признание индивидуальных прав ещё не делает человека самодостаточным. Нам предстоит различить моральное развитие, принадлежность, достоинство и признание. Современные условные примеры помогут проверить, что происходит с этими различиями при несогласии, миграции, уходе за зависимым человеком и конфликте обязанностей. Это философское размышление, а не описание единого африканского характера и не инструкция по оценке чужой зрелости.

1. Почему название требует множественного числа

Под названием «африканская философия» нельзя помещать один готовый ответ на вопрос о человеке. Даже обсуждаемые здесь авторы расходятся в том, насколько община определяет личность и как соотносятся обязанности и права. Мы читаем конкретные аргументы, а не устанавливаем свойство континента.

@andrey.zarinsh @ilkutki

В статье «Person and Community in African Traditional Thought», с.171–172 Менкити формулирует широкое противопоставление африканской и западной концепций человека. Для нас это положение автора, которое можно исследовать и критиковать. Сам факт присутствия обобщения в первичном тексте не обязывает редактора повторять его как установленное описание всех культур.

Полезно различить три масштаба. Первый — определённые представления, выраженные на конкретном языке. Второй — философская реконструкция этих представлений. Третий — общая модель, которую автор предлагает для сравнения. Между масштабами нужны переходы и основания. Из употребления выражения в одной общности нельзя сразу вывести правила всей Африки.

Наш современный пример: читатель встречает красивую формулу о взаимной человечности и переносит её на любой спор о правах личности. Но даже если формула уместна, она не отвечает, кто входит в «мы», кто может отказаться и что происходит с человеком, которого коллектив отвергает. Эти вопросы требуют дополнительных аргументов.

По той же причине Ubuntu не будет здесь названием всей африканской мысли. Это отдельная значимая линия, но её нельзя автоматически отождествить с аканскими понятиями, позицией Менкити или любой общинной практикой. Отказ от такого объединения не мешает сопоставлению. Он делает его честнее: сначала устанавливается, кто говорит, о чём и с какими основаниями, а затем исследуется возможное сходство.

2. Менкити: личностью становятся в общине

Для Менкити личностное становление связано с включением в жизнь общины, освоением правил и выполнением обязанностей. В с.171–173 его статьи личностность представлена как приобретаемое достижение, а не просто следствие рождения. Формулу Мбити о зависимости «я» от «мы» Менкити использует в поддержку этого хода. Мы знакомимся здесь с Мбити через этот текст, не заявляя полного чтения его собственной книги.

Попробуем оценить привлекательность подхода на нашем условном примере. Двое взрослых одинаково умеют рассуждать о добре. Один участвует в заботе о близких, другой постоянно использует их помощь и не признаёт обязательств. Моральный язык позволяет различить их поведение. Вопрос о личности тогда не ограничивается наличием способности мыслить: важно, как человек живёт среди других.

Такая постановка сохраняет требовательность к поступкам. Мы перестаём принимать наличие возможностей за осуществлённую добродетель. Знать, что значит быть

надёжным, и действовать надёжно — разные вещи. Но требовательность становится опасной, если её незаметно перенести с оценки поведения на право человека быть защищённым.

Можно осуждать поступок и всё же признавать достоинство совершившего его человека. Можно считать человека недостаточно ответственным и не делать его существование менее значимым. Если эти два уровня слиты, моральная оценка начинает определять, кому положены базовые права.

Здесь проходит одна из главных линий нашей критической проверки. Приобретение добродетелей действительно нуждается в отношениях и практике. Но из этого ещё не следует, что тот, кто не достиг определённого идеала, может быть исключён из морального внимания. Следующие разделы не приписывают Менкити готового ответа на все современные случаи; они показывают, какие вопросы вызывает сильная версия общинного становления.

3. «Человек» и моральный идеал личности

В аргументации Менкити важное место занимает возраст и постепенное включение в общественную жизнь. Он обращается даже к употреблению английского местоимения при разговоре о ребёнке. Прочитанный фрагмент, с.172–173. Этот довод следует оценивать отдельно от общего тезиса о развитии. Грамматика одного языка сама по себе не доказывает морального положения ребёнка в другом обществе. Между формой выражения и устройством признания нужен аргумент, а иногда — дополнительные исторические и языковые свидетельства.

Продолжим собственной критической проверкой. Человек действительно может приобретать навыки ответственности, лучше понимать последствия и заслуживать доверие. Из этого ещё не следует, что до достижения соответствующего уровня он не обладает правом на заботу. «Может отвечать за поступок», «считается надёжным участником» и «имеет значимость» обозначают разные отношения. Если теория использует одно слово для всех трёх, она должна объяснить переходы, а не оставлять их в силе благодаря общему названию.

Различие видно в мысленном случае двух взрослых людей. Один долго помогал соседям и заслужил доверие. Другой только приехал и ещё не имеет общей истории. Есть основания поручить первому распределение общего ресурса, если его опыт подходит задаче. Но отсутствие такой истории у второго не даёт основания игнорировать его потребность в безопасности или заранее считать любое его возражение менее ценным. Заслуженная роль и исходное обращение с человеком могут различаться, не отменяя друг друга.

Можно построить и обратный контрпример. Если некогда уважаемый участник начинает злоупотреблять доверием, прежний статус не должен закрывать проверку. Иначе достигнутая личность превращается в пожизненную непогрешимость. Общественное признание будет убедительнее, когда допускает пересмотр конкретной роли и при этом не исключает человека из пространства морального обращения. Это наша версия возможного различения, которую нельзя выдавать за уже разрешённый спор Менкити и Гьекье.

Слово personhood не имеет одного беспроблемного русского соответствия. «Личность» может означать индивидуальность, носителя прав, моральную зрелость или социальное признание. Перевод способен скрыть различия ещё до начала аргумента.

В «African Ethics», §4 Гьекье разбирает аканские и йорубские выражения, в которых отрицательная оценка «не человек» относится к моральному поведению, хотя принадлежность к человеческому роду не отрицается. Этот анализ показывает различие между человеческим существом и нормативным идеалом личности. Он не даёт разрешения буквально лишать кого-либо человечности.

Для нашего современного пояснения можно сравнить фразы «он совершил жестокий поступок» и «он не человек». Первая относительно ясно называет предмет оценки. Вторая может быть моральной метафорой, но также способна стать языком исключения. Даже когда говорящий имеет в виду только недостаток добродетели, адресат может услышать отказ в достоинстве.

Поэтому полезно спрашивать, какой вывод делается дальше. Если речь о необходимости отвечать за действие, предмет спора — поступок и ответственность. Если утверждается, что человек больше не имеет права на безопасность или справедливое обращение, это уже другое положение. Оно требует отдельного обоснования и несёт другую цену.

Моральный идеал может сохранять значение без последнего перехода. Мы можем обсуждать заботу, честность, участие и надёжность, не превращая их в вступительный экзамен на право быть человеком. Это наша этическая позиция для чтения, а не попытка объявить спор решённым внутри всех рассматриваемых философий.

Различение особенно важно в отношении детей и людей, которым трудно выполнять обычные обязанности. Недостаток самостоятельного действия ещё не означает недостатка значимости. Когда слово «личность» несёт несколько смыслов сразу, полезно назвать нужный смысл прямо, прежде чем выводить из него правила обращения.

4. Гьекье: социальность и самостоятельность

Гьекье защищает «умеренный коммунитаризм». Доступный abstract главы «Person and Community», с.35–76 обозначает задачу соотношения общины, прав и обязанностей. Полный текст главы здесь недоступен. Более развёрнуто позиция изложена и критически рассмотрена Ричардом Ансахом и Модестой Менсах: индивидуальность у Гьекье лишь частично формируется общиной, признание самостоятельности связано с признанием прав. См. с.67–72 их статьи.

В нашей условной семейной сцене такой поворот позволяет признать вклад близких и одновременно не отождествить благодарность с передачей им всей власти над будущим. Человек не создавал язык, в котором обосновывает выбор, и не вырастил себя без помощи. Но аргумент о своей жизни способен высказать именно он.

Самостоятельность здесь не обязательно означает независимость от любых отношений. Можно принимать обязательства, пользоваться поддержкой и менять решение после разговора. Вопрос в том, остаётся ли у человека пространство собственного суждения и есть ли уважение к несогласию.

Представим контрпример: близкие оплатили обучение при заранее ясно согласованном условии временной помощи семейному делу. Тогда ссылка на свободу не стирает сам факт договорённости. Нужно выяснить её содержание, добровольность и изменившиеся обстоятельства. Умеренность не означает, что любое индивидуальное желание автоматически выигрывает.

Есть и обратный случай: условия объявляются только после завершения обучения. «Мы всегда это подразумевали» не равняется полученному согласию. Человек может признать помощь, не признав нового обязательства в предложенной форме.

Эти случаи показывают, зачем нужно различать социальное происхождение личности и полномочие конкретного коллектива. Первое может быть глубоким основанием идентичности. Второе должно обсуждаться применительно к определённому действию. Иначе любое напоминание о зависимости превращается в бессрочный документ на распоряжение человеком.

5. Насколько умерен умеренный ответ

Умеренное название ещё не гарантирует способа разрешить конфликт. Ансах и Менсах утверждают, что у Гьекье в решающих случаях может сохраняться приоритет общины, и поэтому различие с радикальной версией недостаточно. Их критика — позиция участников дискуссии, а не окончательный вердикт обо всей модели. См. статью 2018 года, обсуждение ограничений прав.

Для самостоятельной проверки полезно придумать ситуацию, в которой индивидуальное благо и коллективное требование действительно расходятся. Пока они совпадают, почти любая теория выглядит гармоничной. Трудность появляется там, где приходится устанавливать границы допустимого ограничения.

В нашем условном примере небольшая организация требует от каждого работать дополнительные вечера. Часть сотрудников согласна, потому что проект важен. Один не может: он ухаживает за близким. Если общее благо понимается как завершение проекта любой ценой, его отказ объявляют эгоизмом. Если учитывается положение всех участников, задача становится сложнее: нужно изменить объём, срок или распределение работы.

Какие вопросы отличают уважительный коллективный довод от удобного давления? Кто несёт нагрузку? Кто получает результат? Было ли обязательство согласовано? Есть ли менее тяжёлый способ? Может ли затронутый человек участвовать в пересмотре? Это наши вопросы к современному случаю, не готовая историческая формула Гьекье.

Подлинная проверка умеренности требует не только говорить о ценности обеих сторон, но и показать, что происходит с несогласным. Если его права признаются лишь пока он согласен, признание слишком мало отличается от разрешения хорошо себя вести. Если же любое ограничение исключено независимо от последствий для других, исчезает предмет коллективной ответственности.

Спор остаётся содержательным именно между этими крайностями. Он не решается приятным словом «баланс»; ему нужны основания, конкретные границы и возможность критиковать тех, кто говорит от имени общего блага.

6. Община — кто именно

Философский аргумент становится неопределённым, если «община» выступает единым действующим лицом. В реальной современной ситуации коллектив состоит из людей с разными возможностями, интересами и способами участия. Это наш аналитический вопрос к применению общинных моделей.

Кто говорит «мы» в условной семье? Все её участники, старший родственник, группа тех, кто финансировал обучение, или один особенно влиятельный человек? Между этими вариантами существенная разница. Предложение, поддержанное большинством, также не автоматически выражает интерес каждого.

Полезно различить общую зависимость, общий ресурс и право представительства. Человек может зависеть от языка и культуры, пользоваться семейной помощью и не

уполномочивать отдельного родственника говорить за себя. Если эти уровни объединены, любое несогласие оказывается неблагодарностью ко всему сообществу.

Рассмотрим условного участника нескольких общностей. Он связан с семьёй, профессиональным объединением, соседями и религиозной группой. Их требования иногда несовместимы. Фраза «личность существует в общине» не выбирает за него, какое обязательство первично. Требуются дополнительные критерии.

Кроме того, разные группы могут по-разному понимать хорошую жизнь. Коллектив не обязательно становится менее реальным от внутреннего спора. Иногда возможность спорить и есть часть его устойчивости. Если допускается только единогласие, описательное слово «принадлежность» начинает работать как требование лояльности.

В нашем прочтении полезно не отказываться от понятия общины, а сделать его конкретнее. Какие отношения здесь имеются? Кто получает поддержку? Кто остаётся без голоса? Какие правила можно пересматривать? Это позволяет оценить достоинства совместной жизни без романтического представления, что коллектив автоматически заботлив, справедлив и внутренне однороден.

7. Несогласие тоже может быть участием

Если личность развивается в отношениях, несогласие не обязательно означает разрушение этих отношений. Человек может критиковать правило, потому что считает общую жизнь значимой и хочет, чтобы она была устроена лучше. Этот аргумент мы развиваем самостоятельно, не объявляя его консенсусом обсуждаемых авторов.

Представим условный совет взаимопомощи. Группа собирает средства и распределяет их между нуждающимися. Один участник замечает, что доступ получают главным образом близкие руководителя. Он предлагает прозрачные критерии. Ему отвечают: «Ты ставишь себя выше всех». Но требование понятного правила может быть способом защитить саму взаимопомощь.

Здесь важно отличить несогласие с решением от отказа от любых обязанностей. Критик может продолжать участвовать, принимать собственную долю нагрузки и давать проверяемые основания. Сам факт возражения не устанавливает его мотивы. Обвинение в эгоизме иногда позволяет не обсуждать содержание.

Однако несогласие не получает автоматической правоты. Человек может использовать язык справедливости для личной выгоды, избегать ответственности или недооценивать ограничения ресурса. Уважение к голосу не отменяет проверки доводов. Оно означает, что происхождение возражения не является достаточным основанием его отклонить.

Особенно важен вопрос выхода. Если членство в коллективе добровольно, что происходит при уходе? Сохраняются ли ранее согласованные обязательства? Можно ли прекратить новые? И что значит добровольность, когда человек экономически зависит от группы? Универсальный ответ здесь слишком быстро сгладил бы разные случаи.

Эти вопросы не сводят общину к договору между полностью независимыми индивидами. Они показывают, что социальная связанность сама по себе не определяет все моральные полномочия. Чем глубже зависимость, тем существеннее ясность границ — особенно для тех, кому трудно возразить или найти другую поддержку.

8. Забота о тех, кто не может «заслужить» признание

Ещё одна проверка касается времени обязательства. Человек может получить поддержку задолго до того, как сможет ответить взаимностью. Если помощь понимается как обмен равноценными вкладами, возникает вопрос о тех, чья возможность ответить неизвестна. Если же общность включает заботу о таких участниках, её основание шире немедленной взаимности. Это не делает вклады безразличными; меняется логика, в которой их сравнивают.

В собственном мысленном примере несколько соседей поддерживают человека после тяжёлой утраты. Один сосед ждёт, что получатель помощи позже возьмёт на себя организационную работу. Другой считает помощь достаточной сама по себе. Третий опасается перегрузки тех, кто помогает. Разногласие не сводится к столкновению заботливых и эгоистичных людей. Здесь различаются основания помощи, ожидания будущего и распределение её цены. Их можно обсуждать, сохраняя значимость нуждающегося и возможность ограничений у помогающих.

Поэтому язык коллективного долга нуждается в различении способности, согласованного обещания и общей готовности поддерживать. Человек может быть способен на действие, но не обещать его. Может обещать и временно утратить способность. Может участвовать в поддержке иначе, чем предполагает привычное правило. Если все варианты измерять только одним видимым вкладом, община рискует не заметить часть собственных отношений.

Это различение также препятствует романтическому противопоставлению полностью независимого индивида и полностью заботливого коллектива. Самостоятельность может нуждаться в поддержке; поддержка может нуждаться в свободном возражении получателя. Наиболее трудный вопрос начинается там, где эти два положения уже признаны: какие условия делают зависимость совместимой с собственным голосом? Ни одно общее название философской школы не снимает необходимости ответить на него в конкретной ситуации.

Одно из самых сильных испытаний нормативной модели личности — отношение к человеку, который не может выполнять ожидаемые обязанности. Наше обсуждение здесь является самостоятельной этической проверкой, а не реконструкцией единого африканского ответа на инвалидность, возраст или болезнь.

Представим условного взрослого, временно потерявшего возможность работать и помогать близким. Если ценность измеряется только вкладом, его положение ухудшается дважды: сначала из-за утраты возможностей, затем из-за утраты признания. Но общинная забота может строиться и на другой логике — человек остаётся значимым, даже когда не способен ответить тем же.

Взаимность и немедленный обмен не тождественны. Группа может распределять помощь между поколениями и периодами жизни, не ожидая точного возврата от каждого получателя. В этом смысле отношения позволяют защищать тех, кого модель самодостаточности легко оставляет вне внимания.

Однако забота также может сопровождаться контролем. Помогающий человек способен требовать, чтобы получатель утратил право выбирать. Поэтому нам нужно одновременно видеть зависимость и сохранённую самостоятельность. Неспособность выполнить одно действие не доказывает неспособности принимать все решения.

Условный пример: человеку нужна помощь с передвижением, но он сам определяет, кого хочет видеть и чем заниматься. Заботиться о нём — не значит автоматически выбирать за него социальную жизнь. Иногда помощь расширяет возможности; иногда под видом помощи их сужают.

Философии общинного становления особенно интересны, когда позволяют обсуждать эту двойственность. Они напоминают о реальности поддержки, но требуют критики того, как поддержка распределяется. Если моральная зрелость является идеалом, его можно предъявлять прежде всего к обращению с уязвимыми, а не превращать уязвимость в доказательство недостаточной личности. Это предложение нашего чтения, открытое для дальнейшего аргумента.

9. Что это значит на практике

Для повседневного размышления полезно отделить четыре вопроса: кому я обязан своей поддержкой; какие обязательства действительно принял; в чём состоят мои нынешние возможности; какую границу решения хочу сохранить. Ответы могут быть связаны, но один не заменяет остальные.

Вернёмся к условной сцене с образованием. Человек может признать помощь близких, обсудить посильную поддержку семьи и всё же не согласиться с выбором работы за

него. Другой вариант тоже возможен: он добровольно решает остаться. Ни отъезд, ни сохранение прежнего места не являются сами по себе мерой развитости личности.

Если подобное различение вам уместно, можно сначала назвать конкретную помощь без общего морального ярлыка. Кто что сделал? Затем уточнить, было ли условие заранее согласовано. После этого посмотреть, какие ожидания возникли позднее. Такая последовательность не гарантирует согласия, но уменьшает вероятность спорить сразу обо всей благодарности, всей культуре и всей жизни.

Полезно также заметить, чьего голоса нет. Возможно, обсуждают поддержку пожилого родственника, но его самого не спрашивают. Возможно, решение об общем деле принимают люди, которые не будут нести основную нагрузку. Возвращение голоса меняет не только тон, но иногда и содержание вопроса.

При этом не стоит использовать прочитанное, чтобы объявить близких «радикальными коммунитаристами», а себя — философски зрелым. Это превратит сложную дискуссию в новый набор ярлыков. Более точное применение скромнее: назвать отношение, обязательство, несогласие и предел известного. Философия здесь помогает различать, а не распределять сертификаты человечности между участниками разговора.

10. Принадлежать, не исчезая

Несколько ответов на вопрос о личности позволяют удержать напряжение, которое слишком легко снимается лозунгом. Менкити заставляет серьёзно отнестись к становлению в общине. Гьекье ставит вопрос о самостоятельности и правах внутри социальности. Критики умеренного коммунитаризма проверяют, остаётся ли это признание действенным при настоящем конфликте. Сам спор не является недостатком философии: он показывает её работу.

Для нашего читательского вывода существенна возможность одновременно произнести два предложения. «Я не сформировал себя в одиночестве». И: «Из этого не следует, что любой коллектив вправе решать за меня». Между ними находится не пустота, а область обязательств, благодарности, помощи и оспариваемых правил.

Принадлежность может давать язык, память и поддержку. Она способна также требовать молчания. Самостоятельность может защищать достоинство. Она способна также прикрывать отказ замечать зависимость от других. Названия сами по себе не освобождают нас от необходимости смотреть на конкретное действие.

Поэтому вопрос «что делает человека личностью» стоит сопровождать вопросом «что происходит с теми, кто не соответствует предложенному идеалу». Здесь становятся

видны последствия философского определения. Оно может направлять внимание к заботе и ответственности, а может оправдывать исключение.

В нашей условной семейной сцене окончательного ответа всё ещё нет. Но разговор уже можно вести точнее: о помощи, договорённости, будущем и праве возражать. Молодой человек не обязан отрицать близких, чтобы отличаться от них. Близким не обязательно отказываться от своих ожиданий, чтобы признать его голос. Удастся ли им договориться, решается в их жизни. Философия лишь делает видимыми несколько разных ответов — и цену перехода от каждого ответа к обращению с человеком.

Использованные источники

1. Ifeanyi A. Menkiti. Person and Community in African Traditional Thought, в African Philosophy: An Introduction, 1984, с.171–181; доступен учебный фрагмент с.171–176; прочитаны с.171–173. Опора для личностного становления и роли общины; формула Мбити передана только через эту работу.

2. Kwame Gyekye. African Ethics, Stanford Encyclopedia of Philosophy, §4. Моральный смысл личности в рассматриваемых аканских и йорубских выражениях.

3. Kwame Gyekye. Person and Community: In Defense of Moderate Communitarianism, Tradition and Modernity, 1997, с.35–76. Прочитан только издательский abstract; для подробного изложения использована следующая критическая статья.

4. Richard Ansah, Modestha Mensah. Gyekye’s Moderate Communitarianism: A Case of Radical Communitarianism in Disguise, UJAH 19(2), 2018, с.62–87. Изложение позиции Гьекье и возражение о практическом приоритете общины.